

К портрету царя Александра I

Выдержки из книги

Е. Н. Понасенков

«Первая научная история войны 1812 года»

Фрагменты [\[21.174\]](#)

«Те, кто радостно маршируют в строю под музыку [...] получили головной мозг по ошибке: для них и спинного было бы достаточно. Я настолько ненавижу героизм по команде, бессмысленную жестокость и весь отвратительный нонсенс того, что объединяется под словом «патриотизм», равно как презираю подлую войну, что скорее готов дать себя разорвать на куски, чем быть частью таких акций»

Альберт Эйнштейн

«Патриотизм — это чёткое, ясное, хорошо аргументированное объяснение того, что мы должны жить хуже других»

М.М. Жванецкий

«Патриотизм в самом простом, ясном и несомненном значении своём есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых — отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти. Так он и проповедуется везде, где проповедуется патриотизм».

Л.Н. Толстой

H. Meyer Sculp.

ALEXANDER I.

Emperor of all the Russias

From an original Drawing taken in London during his Visit in 1814.

London, Published by Edwd Baines Sepr 1. 1814.

Александр I. Император Всея Руси («Всех Россий»). С оригинального рисунка, сделанного в Лондоне во время его визита в 1814. Цветная гравюра Х. Мейера, Англия, сентябрь 1814 г. Из личной коллекции Е. Понасенкова. Публикуется впервые. После катастрофической для русских людей войны 1812 г. царь несколько лет путешествовал по Европе, а Бородинское поле так никогда и не соизволил посетить. При этом развязал конфликт именно Александр — после чего в самом начале военных действий он сбежал из армии в Петербург.

Юный цесаревич Александр рос в чудовищной атмосфере ненависти между бабкой Екатериной и её сыном Павлом. Дело в том, что, совершив государственный переворот (а затем замучив мужа в тюрьме), Екатерина постоянно чувствовала свою нелегитимность — и недолюбливала сына: ведь он имел больше прав на престол. Она даже забрала к себе внука, который почти не виделся с родителями, и растила его как наследника (в обход сына). В итоге у Александра развилась паранойя и масса комплексов, которые впоследствии сильно отразились на всей его внутренней и внешней политике.

Первой воспитательницей цесаревича стала вдова коменданта г. Ревеля Софья Ивановна Бенкендорф (урожд. Левенштерн), а няней-англичанкой ему служила Прасковья Ивановна Гесслер. В быту его окружали исключительно европейские вещи, символика, языки. По России он не путешествовал. Зато его рано стали приучать к бестолковому шуму военного плаца:

«Но имелись и «издержки» воспитательного процесса. Например, тугоухость Александра Павловича стала следствием очень раннего знакомства с артиллерией. Имелись и проблемы наследственного характера. Как и его мать, императрица Мария Фёдоровна, Александр I был близорук и постоянно носил лорнеты, привязанные шнурком к правому рукаву мундира. Также известно, что следствием постоянных юношеских простуд стал ревматизм, беспокоивший Александра I на протяжении всей его жизни.

Придворная медицина претерпела серьёзные изменения при Александре I. В декабре 1801 г. лейб-медик Яков Виллие регламентировал деятельность придворных медицинских чинов, включив их в «Штат медицинских чинов, непосредственно состоящих при Высочайшем дворе». По этому штату предполагалось иметь 33 медиков, ключевые роли играли четыре лейб-медика и четыре лейб-хирурга. Тогда же расширили штат придворной аптеки».

Всегда важно знать о внешности исторического деятеля (и вообще любого человека): часто она «кодирует» поступки, создаёт комплексы и т. д. Проанализируем множество написанных с натуры портретов, гравюр, изучим ряд мемуарных источников и посмертную маску. Лицо Александра было весьма заурядным: практически без профиля: короткий, слабо выдающийся носик, белёсые, как бы провалившиеся брови, маленький рот. С юности он начал испытывать проблемы со зрением и лысеть: и уже к 30–35 годам царь был вынужден зачёсывать остатки волос ближе к плечи. Современник 1812 года, великий поэт Дж. Г. Байрон (1788–1824), именовал царя исключительно «Александром лысым».

Примерно уже в 40 лет у русского монарха начался процесс отложения жира — и в самых, так сказать, неудачных для мужчины местах: в районе таза и груди, появилась толстая складка под подбородком (и он стал ещё более напоминать

своим видом покойную бабу). Процесс усилился после того, как 19 сентября 1823 года в Брест-Литовске монарха лягнула копытом лошадь, после чего последовала горячка и болезнь. Я полагаю, что было бы интересно поставить тему для «научной» диссертации в поле, недавно признанной ВАКом теологии: «Удар православного царя копытом лошади — в свете неисповедимости путей Господних». Однако вернёмся к науке.

Итак, Александр I был лысоват, немного глухой, сутулый, а затем и прихрамывающий: но это не мешало ему казаться по молодости лет милостивым. Его мелкие черты лица и женские вкрадчивые манеры, умение лицемерить и хитрить обсуждались при дворе: он даже получил заочное прозвище «Луиза». Возможно, сегодня его поведение покажется неадекватным и карикатурным, но в эпоху 1812 г. подобное могло вызвать лишь лёгкие пересуды, а некоторым даже нравилось. Камер-паж Дараган свидетельствует о царе так: «...сутуловатость и держание плеч вперёд, мерный, твёрдый шаг, картинное отставление правой ноги, держание шляпы так, что всегда между двумя раздвинутыми пальцами приходилась пуговица от галуна кокарды, кокетливая манера подносить к глазу лорнетку...»

Во всем своём поведении Александр, без всяких сомнений, более напоминал женщину. Когда он проиграл вторую подряд войну, развязанную против Наполеона (талантам и успеху которого царь завидовал), то применил все свои женские чары, чтобы умиловать Наполеона во время свидания с глазу на глаз в Тильзите. Подобными же методами он действовал и во время следующей их встречи в Эрфурте, когда Россия уже нарушала условия Тильзитского мира, но проблему необходимо было временно замаять. Сохранилось показательное письмо Наполеона императрице Жозефине (1763–1814): «Все идёт хорошо. Я доволен Александром; он должен быть доволен мной; если бы он был женщиной, я думаю, что это была бы моя возлюбленная».

Практически все современники отмечали его лицемерие, постоянную игру, внезапную истеричную раздражительность. Опытный знаток людского материала, Наполеон, считал русского царя «неискренним»: «это истинный византиец... тонкий, притворный, хитрый». Стоит подчеркнуть, что, за редким исключением, и большинство учёных-историков считают натуру Александра исполненной обмана, недоверчивости, непостоянства, злопамятности и мстительности, а также «духа неограниченного самовластия».

Обратимся к дневнику выдающегося немецкого писателя Карла Августа Фарнхагена фон Энзе (1785–1858): этот документ был издан в Лейпциге в 1868 году и никогда не переводился на русский язык. Поклонник молодой русской литературы (автор статьи об А.С. Пушкине) писал о царе так:

«У императора Александра никогда не было того, что называется умом — это сплошная посредственность признает только заурядность (выделено мной, Е.П.). ...Ни на одно мгновение не допускает он себя до искренности и прямоты, но вечно настороже.

Самые определенные его свойства — тщеславие и лукавство; стоит переоблечь его в женское платье — и он предстанет перед вами в образе тонко выработавшейся женщины. Знаний у него весьма немного, даже по-русски он может толковать только о самых обыденных предметах»

Действительно, русский монарх практически не владел русским языком, даже его экземпляр Библии был французским. Знания об окружающем мире, вообще образование его было весьма скудным, а лень довершала умственную неразвитость.

При этом, если Александром овладевала некая мания (как, например, зависть, а затем желание взять реванш за поражения от Наполеона), то он становился невероятно упрямым и деятельным, хотя часто срывался в непоследовательность. Он чувствовал, что семья и придворные его не уважают и даже презирают — и это усугубляло его озлобленность и закрытость от искренних проявлений. Но подобное не мешало ему устраивать картинные мизансцены, часто вышагивать на балах. Характерным женственным жестом его было — всплеснуть руками и закрыть ими лицо. Баронесса дю Монте (её мемуары также никогда не переводились на русский — и полностью забыты историками) вспоминает: «Он хитёр, лукав, скрытен и деспот в глубине души. Он всегда владеет собою и всегда разыгрывает роль; он бывает раздражителен, сердит, но сдерживает себя. Умеет пользоваться ласковым обращением и напугать строгим выговором и суровым обращением». В одном из каталожных описаний гравюры с изображением царя автор описывал предмет так: «...жидкие волосы, натянутая улыбка».

Русским ли «духом» веяло от царя Александра? Обратимся к изысканию на сей счёт историка И.В. Зимина:

«...о том, какой размах принимала эта забота (о собственной внешности — прим. моё, Е.П.), свидетельствуют архивные документы. На протяжении многих лет фельдъегеря везли из Парижа для императора любимые им духи.

Объёмы были просто колоссальны. Например, в начале 1823 г. кн. П.М. Волконский писал в Париж, чтобы посол во Франции прислал «с первым курьером из Парижа, хотя бы 12 бутылок духов Eau de Portugal, а с первой навигацией прислал бы несколько дюжин сих же духов»

И действительно, с началом навигации в Петербург для императора доставили 48 бутылок этих духов. Общий вес «посылки» составил почти 20 кг, поскольку каждый из флаконов весил «по фунту», то есть 400 г. Кстати говоря, за все товары, поступавшие в Зимний дворец, аккуратно платились все таможенные сборы. За посылку уплатили 172 руб. 80 коп. таможенных пошлин. К осени эти запасы были исчерпаны, и в ноябре в Зимний дворец доставили новый груз, состоявший из трех ящиков. В первом находились 72 бутылки любимых духов «Eau de Portugal», во

втором — 72 бутылки духов «Eau de Mul d'Angleterre» и в третьем — 72 бутылки духов «Eau de Juare».

Таким образом, только за 1823 г. императору Александру I прислали из Парижа 264 бутылки духов весом по «фунту» каждая, обошедшиеся в 4334 руб. Следовательно, общий вес посылок составил более 100 кг при средней стоимости одной бутылки духов в 16 руб. 41 коп.

Попутно упомянем и о том, что младший брат Александра I, император Николай Павлович, предпочитал духи «Parfum de la Cour», склянка которых всегда стояла на его туалетном столе.

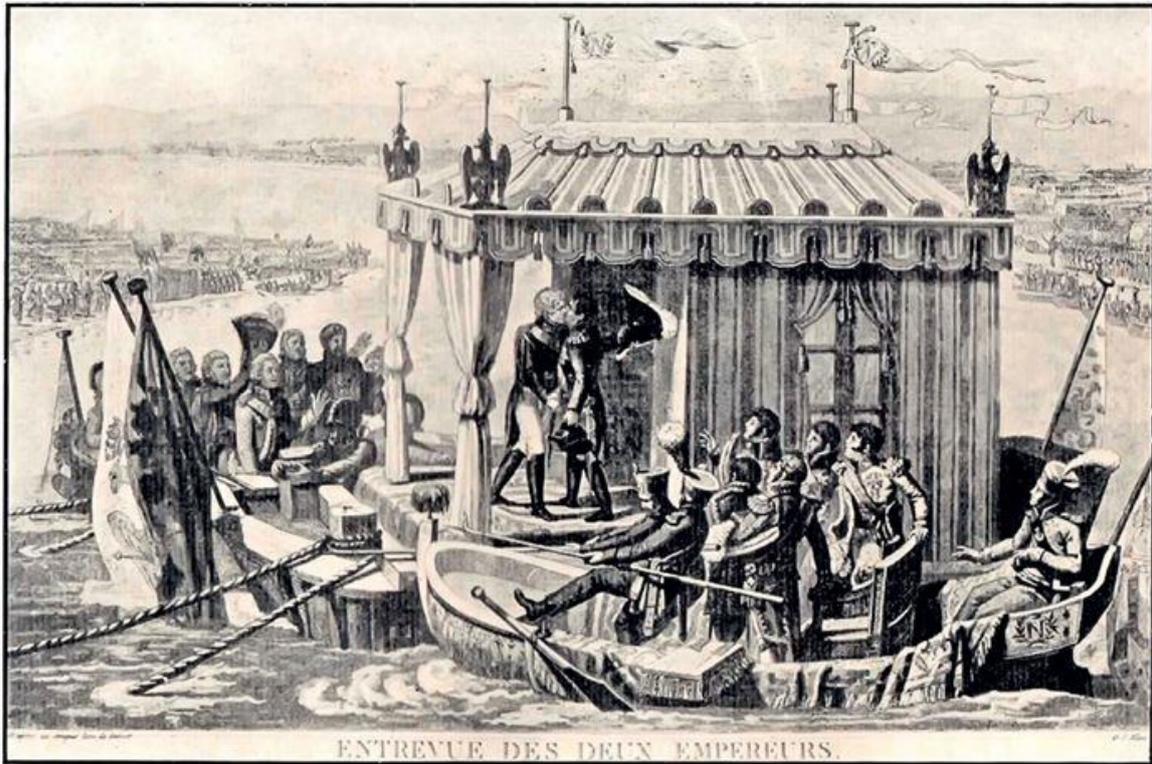
Кроме духов, императору дюжинами везли из Парижа перчатки и другие детали туалета».

В описаниях современников обнаруживается буквально «девичья» жестикация Александра. Как-то в конце кампании 1812 г. графиня Шуазель-Гуффье сделала ему комплимент — и вот какова была реакция: «...государь, краснея, закрыл лицо обеими руками и сказал с самой любезной улыбкой: «пожалуйста, без комплиментов»».

Продолжим. Екатерина II умерла внезапно, не успев устранить сына (потому что внука заподозрили в невозможности воспроизвести потомство, но об этом позже) — и на престол взойшёл Павел I...

Говоря о русском обществе эпохи, которую у нас сейчас именуют «духовной» и «исконной», небезынтересно вспомнить подробности колоритного убийства Павла 24 марта 1801 года. Предприятие отчасти оплачивала Англия (которая испугалась союза, заключённого Павлом с консулом Бонапартом: об этом подробнее я расскажу в соответствующей главе) через своего посла Чарльза Уитворта (1752–1825), причём деньги на убийство «помазанника Божьего» заговорщикам (православным генералам) передавала любовница посла (и сестра заговорщиков братьев Зубовых) О.А. Жеребцова (1766–1849).

Во главе заговора стоял благодетельствованный императором Павлом петербургский генерал-губернатор, новоявленный граф П.А. Пален (1745–1826). Царя сначала ударили табакеркой в висок, потом задушили шарфом, а затем пьяные русские офицеры ещё и прыгали по бездыханному телу «помазанника Божьего». Генералы-участники убийства затем станут «героями» эпохи 1812 года... Подобным подлым кошмаром начался период, вошедший в историю под названием «дней Александровых прекрасное начало» ...

Свидание двух императоров. Гравюра Дебре (?), начало XIX в. Публикуется по изданию: Джон Холланд Роуз «Жизнь Наполеона I» (Лондон, 1902, т. 2, вклейка при стр. 128). Из личной коллекции Е. Понасенкова. Я должен напомнить, что в тот момент русский царь лобызал того, кого несколькими месяцами ранее Синод по его же распоряжению объявил Антихристом...

Современный исследователь А.П. Николаев пишет:

«Беспринципность и аморальность Александра коробили его блестящего соперника, человека тоже далеко не идеального. В Тильзите императоры обменивались высшими орденами своих держав. Царь опрометчиво попросил орден Почётного легиона для генерала Л.Л. Беннигсена. Не называя причин, Наполеон категорически отказал. Александр понял свой промах и промолчал. Это была ещё одна пощёчина, нанесённая самодержцу. Наполеон же говорил позднее:

— Было противно, что сын просит награду для убийцы своего отца»

По свидетельству одного современника, царь избегал «бесед с людьми умными. ...Среди представительниц прекрасного пола его таланты расцветают и лучше оцениваются, напр., дамы любят аккомпанировать русскому императору, обнаружившему «особенный талант свистеть».

Учёные давно выяснили, что сексуальность, физические пристрастия и удовлетворение (либо неудовлетворённость) самым значительным образом отражаются на поведении и поступках того или иного человека. Как мы знаем, у

императора Александра не было детей: проблема отсутствия наследника особенно остро встала в период восстания декабристов. Историки всегда знали о том, что нормальных интимных отношений с женой у царя никогда не существовало, но пытались как-то «изыскать» альтернативу... За всю свою жизнь царь, полностью располагающий всем женским (да и мужским) населением России, не был замечен ни в одном романе: ни одна придворная или другая дама не забеременела от него...

Свою страну Александр Павлович презирал и не чувствовал себя в ней комфортно (об этом подробнее мы узнаем позднее). Ещё в 19 лет он записал: «Моё намерение — поселиться с женой на берегах Рейна...» Позже, развязав войну 1812 года, он бросит армию — и из далёкого Петербурга станет наблюдать за несчастиями своего народа (Александр также отдаст приказ выжигать города и села перед оставлением их русской армией). А после этого ада царь отправится путешествовать по Европе — и несколько лет почти не появляется в России (он также никогда не посетит Бородинское поле — этого русские офицеры ему не простили до самой смерти). Перефразируя известную сентенцию, скажу, что империя гниёт с императора.

Показательно: сразу после вступления армии союзников в Париж в 1814 году Александр отправился в шато Мальмезон — навестить императрицу (титул после развода с Наполеоном за ней был сохранен) Жозефину. Он был крайне мил с ней, часто гулял в парке, изучал комнаты, в которых жил Наполеон. Русский император даже купил у неё часть коллекции произведений искусства и вещей, принадлежавших Наполеону. За такое любезное отношение Жозефина подарила ему знаменитую Камею Гонзага (парный портрет Птолемея Филадельфа и Арсиной II), ныне находящуюся в Эрмитаже. Жозефину Александр поспешил навестить — а вот вдов погибших русских солдат и офицеров проигнорировал. Равно как и не покупал для Зимнего дворца декоративно-прикладные произведения (из бересты, лапника...) и лубки русских крестьян (хотя они «исконнее»).

Весьма интересно узнать, как же в окружении царя относились к его подданным? О русофобии Александра I мы поговорим ещё позднее — и с документами в руках, а сейчас я процитирую наставительное письмо его воспитателя, швейцарца Фредерика Сезара Лагарпа (1754–1838): «...пускай в течение некоторого времени, как ни противно это национальному тщеславию, туземцам придётся у иностранцев брать уроки, главное — приблизить момент, когда смогут *туземцы* сами других *туземцев* воспитывать». Итак: для царя-немца и его учителя-швейцарца население Российской империи — это «туземцы».

Все вы много раз слышали ложь о том, что Наполеон перешёл Неман без объявления войны: на самом деле, как нам сегодня известно из документов, первым и задолго до Наполеона войну Франции официально объявил Александр I.

сама система власти (начиная с императорской семьи) была национально инородной. Адъютант М.И. Кутузова А.И. Михайловский-Данилевский записал в дневнике: «Россия представляет собой исключительный пример страны, чьей дипломатический корпус в большей степени состоит из иностранцев. Некоторые из них даже не знают нашего языка, некоторые в России видели только Петербург.

Ознакомившись с календарём, я убедился, что из 37 чиновников, служащих России в различных посольствах, лишь 16 имеют русские имена (но и они профессионально и светски общались исключительно на французском языке — прим. моё, Е.П.). Остальных зовут Пфюль, Капо, Поццо (имеется в виду Шарль-Андре Поццо ди Борго (1764–1842) — корсиканец, дальний родственник Наполеона, завидовавший гению, от этого ставший его кровным врагом — и, естественно, пригретый императором Александром; прим. моё, Е.П.), Те иль или ещё как-нибудь в этом роде».

Александр I в конце 1825 г. отправил в Рим ген. Мишо (граф Александр Францевич Мишо де Боретур (1771–1841) — прим. моё, Е.П.) с миссией религиозного характера. Мишо, по преданию, открыл Льву XII, что русский император желает отказаться от православия и осуществить идею соединения церквей: будто бы Мишо от имени императора признал папу главой церкви. Предание основано не только на показаниях римской курии, но и на свидетельствах близких ген. Мишо лиц: дочери известного дипломата де Местра, брата ген. Мишо и др. Ген. Мишо после смерти Александра I послал подробное донесение о своей миссии и намерениях покойного императора Николаю I, который уничтожил это донесение. Лица, близкие Мишо, которым генерал открыл свою тайну, видели, однако, эту копию.

Обстоятельства вступления Александра I на престол хорошо известны. Молодой монарх живо осознал, чьим интересам противоречила политика (в т. ч. внешняя) его отца Павла I, за которую последний, собственно говоря, и поплатился жизнью. Поэтому, не успев ещё справиться панихиду по «усопшему», Александр в срочном порядке отзывает казачий отряд, направлявшийся походом в британскую «житницу» (в Индию), а 5 (17) июля 1801 г. подписывает англо-русскую морскую конвенцию, по которой Россия уступала Британии в вопросе о нейтральной торговле, оставляя её безраздельной владычицей морей, а значит, и международной торговли (естественно, в ущерб собственным интересам!).

Поразительно! Именно такая ситуация повторилась в 1811 году, когда Александр УЖЕ отдал приказы русским армиям к началу новой атаки на Францию, но прусский король проявил нерешительность в поддержке этой агрессивной авантюры. Каким образом Франция угрожала России в 1803 году? Кроме как личной манией, завистью царя к грандиозным успехам консула, подобное объяснить невозможно ничем. В этой ситуации Австрия стала рассматриваться Александром, как единственный реальный союзник в готовящемся походе против Франции. Документы неопровержимо свидетельствуют: русский царь СОЗДАЛ трагедию 1812 года — он последовательно придвигал её много лет.

Напрашиваются вопросы: откуда финансовый кризис и почему стореда Москва?

Причины кризиса — традиционные для России: инфляция от бездарного управления, непомерные расходы на оборону, долги погрязшего в неразберихе и коррупции правительства, общая дезорганизация в государственных структурах. Доказывая «гибельность» блокады для экономики России, наши исследователи с пафосом сообщали, что курс ассигнационного рубля упал с 80 до 25,2 копеек. Да, упал: только вот 80 коп. — это показатель не 1807, а 1802 года — и начал этот показатель падать задолго до Тильзита и совсем по другим причинам.

Главным средством удержания на плаву и пределом сообразительности отечественных экономистов с давних пор было печатанье денег (конечно, ничем не обеспеченное) и набор кредитов. Так с 1786 г. по 1810 г. была выпущена колоссальная сумма — 579 млн рублей. Да тут ещё в 1807 г. и «кормушку» прикрыли: закончились английские подачки за «пушечное мясо» (субсидирование коалиций).

Есть сведения, что в 1804—1810 гг. было напечатано 272,5 млн руб. (всего же в 1804 г. было входу 260,5 млн руб.). В 1810 г. внутренний долг достиг 668 млн руб. (в т. ч. по выпуску ассигнаций — 577 млн). Отсюда резкое повышение цен и банкротство многих банкиров. Были введены новые непосильные налоги.

Динамика падения ценности ассигнации была следующей: 1802 г. — 80 коп., 1805 г. — 73, 1806 г. — 67,5, 1807 г. — 53,75, 1811 г. — 25,2. Чёткий тренд, наметившийся до 1807 г., очевиден (он не изменился и после 1812 г.!). К слову сказать, сам кризис в России не закончился с падением «антихриста»-Наполеона, на которого можно было свалить собственную профессиональную бездарность, но продлился до середины 20-х годов.

Сумма долгов России достигла 100 млн гульденов (82 млн — ещё со времён Екатерины II и 18 млн набрали к 1815 г.). Уже в ходе войны 1812 г. Россия вела оживлённые переговоры с Англией о списании голландского долга (в итоге расплатились только в 1898 г.!).

Во всех частях управления финансами царил хаос: не было чёткого разделения обязанностей между ведомствами, процветало взяточничество, чиновники высшего ранга (к примеру, Д.А. Гурьев /1751–1825/ и М.М. Сперанский /1772–1839/) интриговали между собой (у читателя есть возможность сравнить проблемы той эпохи с современными...). Но главной причиной финансовых затруднений были непомерные расходы на военные цели.

С наступлением в 1807 г. мира в стране проигравшей логики и помрачённого здравого смысла расходы на армию увеличились почти в два раза (!): с 63 402 тыс. руб. асс. до 118 525 тыс. в 1808 г. (а в 1812–1814 достигли вообще фантастических цифр). Это беспрецедентный факт в мировой истории и прекрасный показатель отношения Александра к союзу. Любопытно проследить, как менялась динамика расходов на милитарию (без учёта морского министерства) в военное и в относительно мирное время: 1804 г. — 41 942 тыс. руб., 1805 г. — 43 184, 1806 г. — 44 304, 1807 г. — 63 402, 1808 г. — 118 525, 1809 г. — 112 279, 1810 г. — 127 936, 1811 г. — 122 414, 1812 г. — 160 843, 1813 г. — 264 792, 1814 г. — 278 775.

А теперь сравним увеличение расходов на армию (55,1 млн руб.) и недобор от таможи (показатели 1807 и 1808 гг., соответственно, — 9 134 тыс. руб. и 5 523 тыс.), т. е. 3,6 млн руб. Так становится совершенно очевидным, от чего казна страдала больше. Кстати, эти потерянные для казны 3,6 млн и есть наши «23,1 млн» (уменьшение годового торгового оборота), которыми пугали читателей отечественные авторы-пропагандисты: якобы именно эта разница так губительно сказалась на бюджете. Просто исследователи не учли, что доходы казны от таможи и общие показатели оборота — вещи неравнозначные (одна является процентом другой). Это также несопоставимо с долями других видов поступления в казну: подушная подать — 48,4 млн, питейный доход — 34,2 млн (!), соляной — 7,7 млн.

В подробном докладе царю от 8 декабря 1809 г. сам канцлер Н.П. Румянцев писал, что главная причина финансового кризиса кроется отнюдь не в разрыве торговли с Англией, а в расходах на оборону и в бездумном печатанье денег.

Все было очевидно: Англия спонсировала антифранцузские коалиции, покупала у феодалов Европы «пушечное мясо» (только с апреля 1805 г. по июнь 1807 г. на агрессию против Франции Россией было получено 1,3 млн фунтов стерлингов безвозвратных субсидий), её можно было остановить только укрощением торговли, экономической блокадой, которую не соблюдала Россия (хотя сама же и довела до необходимости соблюдения условий мира!).

Александр непомерными тратами на вооружения обрушил финансы России, её вексельный курс.

В 1811 г. по распоряжению властей был усилен религиозный компонент — в программу учебных заведений было введено обучение Закону Божьему.

О следующем факте также не упоминал ни один из авторов обобщающих трудов по войне 1812 года, но, с юридической точки зрения, война на территории Российской империи началась задолго до перехода Наполеоном Немана. 28 апреля (!) 1812 г. указом Александра в Курляндской, Виленской, Минской, Гродненской, Киевской, Волынской и Подольской губерниях, а также в Белостокской и Тарнопольской областях было введено «чрезвычайное» (т. е. в ту эпоху — военное) положение. Их поделили на два военных (!) округа, и с этого времени гражданские чиновники и полиция несли личную ответственность по законам уже *военного времени*.

То есть за два месяца до начала войны, когда Наполеон ещё жил в Париже (!) Александр I уже вовсю «воевал»: ему были нужны непомерные реквизиции, чтобы прокормить огромную армию, готовую двинуться в наступление. Правда, после 24 июня 1812 года это царю не помогло: пришлось бежать от границ...

Показательный факт: Александр I выехал на границу к своим армиям, находящимся в наступательном развёртывании уже 21 апреля 1812 г., а Наполеон только 9 мая покинул Париж: и то для посещения мероприятий (встречи с королями и дипломатами) в Дрездене.

Сегодня историки стараются замалчивать позорнейший для дома Романовых факт: в 1810–1811 гг. Александр I продал в крепостное рабство около 10 тысяч государственных крестьян. Никого не жалеть ради собственной блажи! Затем 2 февраля 1810 года и 11 февраля 1812 года последовало резкое увеличение всех налогов.

В итоге: с 1810 года (!) русские армии уже стояли в боевом развёртывании на границах Герцогства Варшавского. При этом я напомним, что император французов объявил очередную мобилизацию лишь в феврале 1812 г., а наполеоновская Великая армия получила корпусную организацию лишь 1 апреля 1812 (причём некоторые корпуса и части — только в июле и осенью, уже во время войны).

16 марта 1810 г. царю уже подана служебная записка М.Б. Баркляя де Толли (1761–1818), в которой излагались варианты войны против Наполеона*

* Прим. автора: Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-учёного архива Главного штаба. Отд. I, т. I, ч. 2, СПб., 1900, с. 3—5. Стоит отметить, что российские авторы, которые плохо знают историю французской внешней политики эпохи

Первой империи, никогда не работали во французских архивах и всерьёз не исследовали прекрасно сохранившуюся ежедневную переписку Наполеона (т. е. попросту профессионально для данной темы непригодны), любят упоминать некую «секретную записку» министра иностранных дел Ж.Б. Шампаньи, в которой тот якобы уже 16 марта 1810 г. сообщает императору об опасности, исходящей от России, сближающейся с Англией (и как вывод — надо готовиться к войне). Эту фальшивку подбросил русским Ш.М. Талейран: он был в опале и за солидное вознаграждение торговал часто вымышленными «секретами» Наполеона с его врагами. Среди прочих, легко «купившихся» на такую очевидную глупость, оказался и мечтающий о «купании лошадей в Сене» уроженец города Серова и бывший специалист по «траурному поезду Ленина» В.М. Безотосный (Безотосный В.М. Наполеоновские войны. М., 2010, с. 118–119). Он не попытался разыскать оригинал, не проанализировал контекст, совершенно не знал персонажа, о котором идёт речь (Ж.Б. Шампаньи был известным сторонником всяческого укрепления союза с Россией): упомянутый выдуманный текст полностью противоречит всем прочим его докладам и намерениям. Более того: не существует никакой реакции Наполеона на столь важный доклад — ни в его ежедневной переписке, ни в беседах с тем же Ж.Б. Шампаньи. Этот подлог выявил О.В. Соколов, который владеет (в отличие от тов. Безотосного) французским языком и посещал парижские архивы. Он детально изучил фонд AF IV 1699 Национального архива (где хранятся соответствующие документы за март 1810 г.) — и не обнаружил никаких следов ни самого доклада, ни подготовки его, ни реакции на него, ни обсуждения его, ни его последствий (Соколов О.В. Битва двух империй. 1805–1812. М. — СПб., с. 391–392).

Александр I буквально разорял Россию финансово, но, что ещё хуже, требовал все больше «пушечного мяса», объявляя все новые рекрутские наборы. Однако рекруты нередко сбегали, а помещики и крестьянство стонали от непомерных реквизиций рабочих рук, сыновей и мужей (об этом подробнее в двух следующих главах). В 1810–1811 гг. был объявлен 80-й набор (забрали 94 589 душ), сразу 81-й (120 тыс. чел., хотя рассчитывали на 135 тыс. чел.).

В 1812 г. провели аж три чрезвычайных набора, сильно сократив требования по росту, здоровью и количеству телесных недостатков. 83-й набор вместо искомым 181 585 чел. дал всего лишь 166 563 «душ» и т. д. Разительной противоположностью этому выглядит ситуация во Франции, где людей берегли. Вот показательный и полностью документированный факт: за всю эпоху Наполеона в Париже (где, подчеркну, полиция могла легко контролировать ситуацию и выявлять уклонистов) из законно подлежащих призыву мужчин было призвано всего 31,87 %!

Мало кто знает, но только 1 января 1816 года (далековато от 1812 г. и идеи защиты границ России!) император Александр I издал манифест, подводивший итог войне и вообще его экспансии против Франции (судя по стилю, его автором был известный ретроград и пропагандист А.С. Шишков /1754–1841/). Поразительно, но царь (и его возможный «екатерининский» «литературный негр»-соавтор) рассуждал буквально

в тезисах «профессора-марксиста» эпохи первых лет после Русской революции (тот же тезис о революции — только с отрицательным знаком). Согласно манифесту, все предшествующие войны (включая 1812 г.) были направлены против последствий Французской революции (которая являлась следствием отпадения французского народа от христианства под влиянием «лжемудрости»)! А где же про границы России, где сказка о намерениях Наполеона «поработить» «одну шестую часть суши» и вечной мерзлоты? Где опасность для «отеческих гробов» и «родного пепелища» (устроенного, как мы скоро узнаем, самими русскими властями). За что погибали сотни тысяч русских — за внутренние дела Франции? Вся эта демагогия Александра, что называется, шита «белыми нитками». Его личная зависть (как следствие — ненависть) к Наполеону были «упакованы» в разного рода реакционные и мракобесные идеологемы, рассчитанные на невежественного обывателя.

Армия Наполеона (с учётом австрийского корпуса) состояла из иностранцев более чем на половину, а в русской армии все начальствующие над армиями центральной группы были этнически нерусскими: сам император Александр I (Гольштейн-Готторп /«Романов»/), М.Б. Барклай де Толли (при рождении: Michael Andreas Barclay de Tolly), П.И. Багратион (напомню, что его отец даже не смог выучить русский язык...) и подданный английского короля Левин Август Готлиб Теофиль фон Беннигсен (начальник Главного штаба при М.И. Кутузове).

Помимо этого, значительный процент высших офицеров лишь недавно перешёл на службу из германских государств или эмигрировал из Франции ещё в эпоху революции. В штабе хозяйничали сплошь немцы, отдающие приказы русским по-французски! Поэтому забористое и задиристое слово «мы» («мы воевали», «мы победили» /в каком сражении?/) или словосочетание «деды воевали» во многом теряет весомый смысл.

Не только командный состав, но и вообще офицерство (включая унтеров) только максимум наполовину происходило из так называемых «великорусских» губерний. Но и это не гарантирует их «русскости» — потому что и во «внутренних» районах империи было сильное смешение этносов

В итоге: при любом варианте сравнения численности войск Наполеона и Александра, мы приходим к выводу, что русская сторона значительно превосходила числом «французскую». Или мы противопоставляем около 364 тыс. (в конце июня) 393 тысячам (если не считать отставших французских солдат и нестроевых русских) русских; или 445 тыс. / 528 тыс. чел. армии вторжения — 1

миллиону 200 тысячам русских (вместе с резервами и реальным, а не завышено желаемым числом ополчения; понятное дело, что не всех можно было двинуть к границе — но это уже не проблема Наполеона и историка...). К этому полчищу в 1,2 млн можно в ходе кампании прибавить австрийские и прусские силы, а также помнить, что половина армейцев Наполеона слегла с инфекциями в первые недели войны (об этом подробнее — далее по ходу нашего рассказа), причём «мирное население» убивало безоружных солдат, приходивших (как в Европе) искать провизию. То есть каким-то 250–300 тысячам противостояли, что называется, «миллионы». И это, если не считать того, что на стороне 6-й антифранцузской коалиции была Англия, Швеция, испанские повстанцы — а уже по ходу войны присоединились Австрия и Пруссия. Все эти армии вместе многократно превосходят французские силы: без подобного физического подавления массой, а не талантом, события осени 1813 г. – весны 1814 г. были бы невозможны.

Очередное ограбление русским правительством литовских и белорусских губерний началось ещё весной 1812 года, чудовищные реквизиции продовольствия и всего необходимого для русской армии начались ещё весной, когда Наполеон был в Париже! Людям приходилось голодать и ограничивать себя во всем. А когда Александр уже спровоцирует военный конфликт, то русское командование начнёт методически выжигать деревни и города собственной страны. Современный исследователь событий 1812 г. на этих территориях А.Е. Тарас даже говорит о фактическом геноциде!

Другой часто задаваемый обывателем и околонучными интересантами вопрос: почему Наполеон пошёл на Москву, а не на Петербург? Ответ прост: он изначально и на Москву не шёл (это мы доподлинно знаем из документов). Любой серьёзный военный знает, что главная задача — уничтожение живой силы противника. Наполеон (исчерпав возможности поиска мира с Александром) преследовал русскую армию. Он не желал занимать каких бы то ни было российских территорий (поэтому, кстати, и не разыграл «карту» — не стал делать объявление об отмене крепостного права). Профессионалы также понимают, что и просто отвлечься от армии противника и отправиться смотреть на скопированные в Европе красоты «северной Венеции» невозможно, потому что вражеская армия смогла бы действовать во фланг и тыл, отрезая от путей сообщения.

После своего бегства от армии в Петербург Александр постоянно слышал ропот и недовольство тем, что армия позорно бежит, оставляет огромную территорию —

гибнут богатые имения и репутация. Находясь при армии, формальным командующим являлся сам царь, теперь же он, верный собственному принципу перекладывать свою вину на других и запутывать ситуацию, решил предоставить обществу официального главнокомандующего. Это, безусловно, должен был быть кто-то «свой», «совсем русский». Речь шла даже не о военных талантах (их в России тогда, как мы уже знаем, особенно солидных не было), а об образе. Но и само решение, сам выбор конкретного «русака» Александр, естественно, решил переложить на других: никакой личной ответственности!..

О назначении Кутузова царь писал сестре Екатерине Павловне так: «Я не мог поступить иначе, как выбрать из трех генералов, одинаково мало способных быть главнокомандующими (имеются в виду Барклай де Толли, Багратион и сам Кутузов — прим. моё, Е.П.), того, на которого указывал общий голос».

К примеру, в Петербурге в это время продолжалась вполне мирная жизнь: царь Александр (по прозвищу «Луиза»), по своему обыкновению, легкомысленно насвистывал и душился духами, привезёнными из Франции, причём в кабинете, обставленном в стиле французского ампира; жена М.И. Кутузова вздыхала по артисту французской труппы Андриё, жена П.И. Багратиона крутила новые романы и т. д. (подробнее — см. главу о России перед войной 1812 года). В то же самое время в России продолжалась гражданская война: и русские солдаты уничтожали взбунтовавшихся русских крестьян, а литовцы (в недавно созданном Великом княжестве Литовском) продолжали формировать полки для армии Наполеона. За что умирали русские солдаты при Бородине? За то, чтобы вскоре их раненые товарищи сгорели в подожжённой собственными властями Москве, за восстановление на французском троне ненавистных большинству французов Бурбонов, за удовлетворение завистливой мании царя (немецкого происхождения), за ещё многие десятилетия крепостного права, за репрессии уже в двадцатом веке? Многие участники Бородина станут «декабристами» и пожелают убить Александра — но пока они ни о чем этом не знают (зато знаем мы)...

Сам же царь Александр действительно впал в почти дамскую истерику. Хотя война только началась, и Наполеон преследовал убегающую русскую армию в направлении Москвы, русский император буквально видел Петербург в руках победителя. Он не надеялся ни на талант и отвагу своих генералов и армии, ни на патриотизм атомизированного населения, который он пытался возбудить самыми низкими ухищрениями и манипуляциями. Уже 16 июля (!) 1812 г. он приказал председателю Комитета министров графу Н.И. Салтыкову начать подготовку эвакуации Петербурга (я сохраняю орфографию подлинника):

«Все сии обстоятельства заставляют помыслить заблаговременно о предмете разговора нашего незадолго перед моим отъездом, то есть о возможности неприятеля пробраться до Петербурга. Я бы желал, чтобы Ваше Сиятельство внимательно подумали о сем предмете и, по крайней мере, чтобы уже решено было по здоровом размышлении все то, что надобно будет увезти из Петербурга, и о способах сего увоза (...).

Совет. Сенат. Синод. Департаменты Министерские. Банки. Монетный двор. Кадетские корпуса. Заведения, под непосредственным начальством Императрицы Марии Феодоровны состоящие. Арсенал. Архивы. Коллегии Иностранных дел. Кабинетской (архив — прим. моё, Е.П.). Из протчих все важнейшия бумаги. Из придворного ведомства: серебро и золото в посудах. Лучшие картины Эрмитажа, также и камни резные хранящиеся также в ведении придворном одежды прежних государей. Сестрорецкой завод с мастеровыми и теми машинами, которыя можно будет забрать.

По достоверным известиям, Наполеон в предположении вступить в Петербург намеревается увезти из оною статую Петра Великого... то обе статуи Петра I-го, большую (имеется в виду скульптура Э.М. Фальконе — прим. моё, Е.П.), и ту, которая перед Михайловским замком (Б.К. Растрелли — прим. моё, Е.П.), снять и увезти на судах, как драгоценности, с которыми не хотим разставаться.

...Я бы думал также разобрать бережно дом его, возле крепости состоящий, и равномерно на галиоте увезти — все трофеи, хранящиеся в крепости, в Исакиевской церкви, в арсенале, в Петергофской слободской церкви...

Везти можно все сии предметы водою по Мариинскому каналу и частью, что можно, сухим путем, в наряженных подводах. ...Статую Суворова с Царицынского луга (работа М.И. Козловского, Александр I присутствовал на ее открытии которой в мае 1801 г. — прим. моё, Е.П.). Лучшие мраморныя статуи из Таврическаго дворца»

Таким образом, все самое важное для государства предполагалось удалить аж в Казань!

Многие обеспеченные дворяне и жили-то в Европе, возвращаясь в Россию только наездами. Подобное замечательно описано в мемуарах графа Е.Ф. Комаровского — одного из любимцев Александра I, который годами не встречался со своим монархом, а воспитательницей своей дочери взял няньку дочери Люсьена Бонапарта! Тот же Комаровский обожал все французское — и даже в 1786

профессионально (но авторизованно) перевёл и опубликовал роман Никола Ретифа де ла Бретонна (1734–1806) «Невинность в опасности, или Чрезвычайные приключения» (неплохое, кстати, название для книги о 1812 годе с тезисами об «исконной» «духовности», на которую посягнул «антихрист»-Буонапартий...). Что характерно, записки Комаровского вышли на излёте советского режима (в 1990 году), причём во Внешторгиздате...

Но отсюда вопрос: а зачем воевать?

Русское командование и правительство начало скрывать эту информацию и фальсифицировать историю, буквально не сходя с поля боя. Вот что М.И. Кутузов сообщал царю в Петербург:

«...4000 убитыми и 2000 взятыми в плен, однако о сем не следует публиковать, дабы не произвести неприятного впечатления». Подобное было в России обычной и перманентной практикой. К примеру, сам Александр I сразу после катастрофы под Аустерлицем (2 декабря 1805 г.) приказал М.И. Кутузову «прислать две реляции: одну, в коей по чистой совести и совершенной справедливости были бы изложены действия ...а другую — для опубликования»

И так во всем и всегда...

Только теперь, когда Наполеон отбыл в Париж, к своей расстроенной армии прибыл трусливый Александр I. Разгромленная, по большей части физически уничтоженная противником, климатом и долгими переходами русская армия нуждалась в отдыхе, лечении и пополнении; само население России теперь не желало приносить новых жертв мании «хозяина» — но не тут-то было!

В гнилом сознании Александра жила память о том, как он спасался с поля Аустерлица, когда его потеряла свита; как потом нашли постыдно ревушим под деревом; как у него тогда же от страха началась диарея — а лакеи австрийского императора отказали его лакеям в лекарствах. Он помнил, как был вынужден (после новой своей агрессии), поджав хвост, подобострастно кланяться Наполеону и всячески обольщать победителя в Тильзите; как его же брат Константин заставлял его так поступать.

Но ещё позорнее было возвращение в Петербург: в 1807 г. все взгляды екатерининских стариков и их избалованных детей испепеляли царька ненавистью и презрением. Его критиковали мать и сестра. Александр помнил, как подобное

отношение усилилось после свидания с Наполеоном в Эрфурте. Русский царь бесился оттого, что ему пришлось бежать от балов и парадов при армии летом 1812 года, а затем долгие месяцы трястись, опасаясь, что его прибьют его же собственные подданные — как с его согласия когда-то убили его отца! Его руки ещё жгли письма сестры, которая откровенно говорила о том, что его ненавидят и презирают все слои русского общества.

В декабре русские города и села лежали в руинах, сотни тысяч трупов ещё не были ни сожжены, ни преданы земле. У солдат его армии были обморожены и гноились конечности, головная группировка являлась практически уничтоженной, Н.П. Румянцев, М.И. Кутузов и даже автор всех пропагандистских манифестов А.С. Шишков просили царя не продолжать войну, не переходить границу!

Но больное ущербной злобой существо не могло остановиться. Именно теперь Александр имел случай печатать бредовые листовки об успехах и принимать парад (одновременно ругаясь на того же М.И. Кутузова за то, что солдаты, мол, позорно выглядят). Он презирал русских, презирал собственный народ — и мечтал прославиться в Европе (отсюда и вся предыстория ненависти — зависть к успехам ещё генерала Бонапарта!). Помимо всего прочего, Александра «окучивали» множество бежавших из Пруссии офицеров и штатских — и тщеславный царь чувствовал, что здесь он может поживиться славой, выезжая на горбу и на костях русских солдат. Но для этого Александру нужны были новые жертвы — ведь трупы воевать не умеют!

Об этом практически не пишут, но уже 28 ноября царь приказал осуществить новый сбор рекрут! Как же это: мы с вами уже видели свидетельства о том, что наборы в последние годы шли и так против всех правил и обескровили страну?! Крестьяне и помещики уже негодовали. Но Александр жил только своей манией. В итоге шизофреник, который управлял Россией почти четверть века, угробил сотни тысяч своих подданных... В итоге объявленный в России новый рекрутский набор осрамился — люди скрывались или убегали.

Теперь мы переходим к важному вопросу о потерях, понесённых обеими сторонами...

А.А. Керсновский исчислял количество русских, погибших в войнах, которые вёл сам Александр I, в 800 000 человек («одна война с Наполеоном 1812–1814 годов обошлась России в 600 000 жизней»). Существует страшный документ, на который почему-то боятся обращать внимание (или просто они плохие исследователи) мои коллеги: это официальный подробный рапорт министра полиции А.Д. Балашова (1770–1837) о числе погребённых специальными дружинами человеческих трупов от Москвы до западной границы России. Итоговая цифра поражает: 403 707 трупа!

Используя обширные архивные данные, Я.И. Печерин подсчитал, что только за войну 1812–1814 года (а это очень верно — объединять эти походы в единую войну, стремящуюся интервенцией во Францию) расходы бюджета одного Военного министерства (без реквизиций у населения, мародёрства солдат, сжигания городов и деревень, без расходов других министерств) составили 659 429 200 рублей (астрономическая по тем временам цифра — настоящее разорение государства!), но к этому следует присовокупить ещё расходы по Морскому ведомству — 62 195 100 руб. Отмечу, что другой исследователь, П.А. Хромов, проведя собственные подсчёты, доводил искомую цифру до 900 миллионов рублей. Известный царский историк А.А. Корнилов оценивал материальные убытки Российской империи только за 1812 год в 1 миллиард (!) рублей. От подобного удара экономика и финансы России не могли оправиться ещё несколько десятилетий. На Франции же война (в сравнении с этим) практически не отразилась!

Повторюсь: я всегда был противником практически любых конспирологических теорий (много критиковал подобное даже в интервью) и сейчас отнюдь не настаиваю на версии об отравлении М.И. Кутузова (и монаршей четы), но в обстоятельствах, когда у нас нет безоговорочных документальных и логически адекватных сведений о причинах смерти этих ключевых персонажей, пренебрегать логическими размышлениями вслух, умалчивать о фактах я как учёный просто не имею права.

В начале 1813 года царь физиологически жаждал активных действий против Наполеона, он не мог мириться с саботажем или ожидать от генерала, который проиграл Наполеону все сражения до единого, что тот вдруг неожиданно одержит победу (причём на чужой территории, где есть еда и теплее климат). Однако уволить того, кто срежиссировал себе имидж «спасителя отечества», трусливо просидевший вдали от бедствий войны Александр I не мог себе позволить (в этом особенность абсолютной власти в России: официально тиран может всё, но на практике — многие вещи возможно реализовать только скрытыми махинациями). Мёртвый «герой» гораздо удобнее и выгоднее, чем живой проигрывающий бои и вечно интригующий тип.

Могли ли Александра остановить какие-то внутренние «тормоза»? Не думаю. Царь был абсолютно лишён морали и совести. К примеру. Убийцы его собственного отца прекрасно жили в его правление, а некоторые даже командовали армиями и были весьма в почёте. «Бездуховных» иностранцев подобное буквально шокировало. К примеру, дружеское расположение к одному из участников убийства Павла I, а также согласие стать крестным его сына вызывало Ж. де Местра на аналитические выкладки (из письма графу де Фрону, сентябрь 1812 г.):

«Поверьте, г-н Граф, этот Беннигсен просто колет мне глаза, особливо когда Император был при армии. Но зрелище сие никого не возмущает и не привлекает ни малейшего внимания; я ещё раз убеждаюсь, что здесь не Европа или, по крайней мере, это азиатская раса, оказавшаяся в Европе. Но все-таки мне непереносимо видеть человека, поднявшего руку на своего повелителя и пользующегося в обществе всеми правами. Император крестил у него сына, и я не встречал ни одного человека, которому пришло бы в голову подивиться сему; вот попробуйте что-нибудь понять у них! Нет, никогда, никогда!»

Обратите внимание: ведь об убийстве суверена знало все общество, все попы — и они спокойно относились к члену заговора...

Итак, часть внутренностей М.И. Кутузова на аутопсии была вырезана (иногда подобным манером стараются скрыть следы убийства — отравления) — и останки главнокомандующего отправлены в Санкт-Петербург. Путь был весьма неблизкий (через Познань, Ригу, Нарву) — и занял он больше месяца. Несмотря на такой большой запас по времени, сразу похоронить фельдмаршала в русской столице не вышло: виной всему ужасное разгильдяйство — ничего не успели подготовить. Поэтому тело М.И. Кутузова отправили «на временное хранение»: гроб с телом около 18 суток простоял в церкви в Троице-Сергиевской пустыни в нескольких верстах от Петербурга — и за это время успел сильно разложиться, приобрести крайне неприятный запах.

И это — не в пример его сопернику Наполеону. Благодаря подробнейшим отчётам о вскрытии (при котором присутствовало несколько десятков официальных представителей Англии и Франции, офицеры и священник, а также уже известный нам отважный герой войны 1812 года генерал Гаспар Гурго) и несколькими зарисовкам мы знаем об удивительном факте: когда через 19 лет после кончины прах императора был извлечён из могилы на о. Св. Елены для перенесения в Париж, он оказался абсолютно не тронут временем, нетленным (!); сей факт поразил присутствующих и современников, а учёным ещё предстоит найти материалистическое объяснение подобному феномену.

Весной 1813 г. Александр I начинает активно шантажировать Англию: он потребовал немедленной выплаты Лондоном 7 миллионов фунтов стерлингов «на обеспечение 200-тысячной армии». В конце марта 1813 г. кабинет лорда Ливерпуля принял решение выделить 1 333 334 фунтов стерлингов России и 666 666 ф. ст. Пруссии (всё в звонкой монете). Кроме этого, России выделялось дополнительно 500 000 фунтов на содержание флота.

Были налажены поставки оружия для русской армии. Граф Х.А. Ливен писал императору Александру I:

«...лорд Каслри заявил мне в одной из наших последних бесед, что он с ужасом думает о том, как будет просить... деньги у парламента, что только подвиги Ваших армий, Государь, дали министерству надежду раздобыть такую большую сумму денег»

В армию русского царя поступило 100 000 ружей. И так, англичанам нужны «подвиги» русских — на их гибель, естественно, им было наплевать. По подсчётам кандидата исторических наук А.А. Орлова, в 1812—1814 гг. Россия получила из Англии 225 801 ружье, 300 артиллерийских орудий, а также 1 200 тон снарядов и патронов; в 1813—1815 гг. было переведено 6 миллионов фунтов стерлингов в звонкой монете и около 5 миллионов фунтов в «федеративных деньгах» (это огромная сумма — 165 миллионов рублей ассигнациями). Подчеркну, что оружие и деньги поставлялись в Россию и в 1814—1815 гг., когда уже и близко никакие французы не угрожали её границам. Русский царь просто торговал жизнями безвольных рабов.

И раз уж мы затронули тему денег, я приведу данные доклада министра внутренних дел Франции, поданный Наполеону как раз во время его возвращения в Париж (между зимней и весенней кампаниями войны 1812—1813 гг.). Благодаря системным реформам, умелому управлению, постоянному контролю за целевым использованием государственных средств, наполеоновская Империя процветала. Жан-Пьер Башассон, граф де Монталиве (1766—1823) сообщал: «30 миллионов франков было использовано для строительства мостов, 54 миллиона — для каналов, 277 миллионов — для дорог, 100 миллионов — для устройства портов, 100 миллионов — на благоустройство Парижа, 150 миллионов — на нужды музеев, содержание улиц, площадей, Лувра, ремонта разрушенного революцией Версаля, 10 миллионов — для «заживления ран Вандеи», 12 миллионов — для сиротских домов и приютов».

Таким образом, основные средства шли не на войну, а именно на обустройство комфортной и достойной мирной жизни. Большое внимание уделялось искусству. Отмечу, что при Наполеоне французы платили самые низкие в Европе налоги! Это ли не «социальное» и справедливое государство — «капитализм с человеческим лицом»?

После Смоленска Наполеон великодушно отпустил пленного русского генерала П.А. Тучкова (1776—1858) и просил передать Александру новое предложение мира! И снова — никакого ответа! Наполеон даже предупреждал Тучкова, просил передать своим, чтобы одумались, он объяснял, что Москва непременно будет им занята — и это обесчестит русских, ибо «занятая неприятелем столица похожа на

девку, потерявшую честь. Что хочешь после делай, но чести вернуть уже невозможно». Что же: император французов, видимо, больше заботился о чести Москвы, чем те, кто это был обязан делать!

Возможно, самое страшное и растянутое во времени событие и преступление 1812 года — это выжигание российскими властями и армией собственных городов и деревень. Фактически это был геноцид собственного народа — страшное преступление перед лицом Истории.

*

Каковы хронологические рамки того, что по инерции мои предшественники называли «войной 1812 года»? Об этом не задумался ни один мой коллега, но, с юридической и оперативно-тактической точки зрения, боевые действия, начатые 24 июня 1812 года, логически (пусть и временно — в Истории все диалектически «временно») завершились лишь 4 июня 1813 года.

Тогда после ряда сражений-побед Наполеона союзники по 6-й антифранцузской коалиции заключили с ним перемирие. До этого дня бои с разной интенсивностью продолжались и никаких соглашений между Францией и Россией заключено не было! Это была единая война — и не так важно, кто был при армии (Александр I покинул армию в начале кампании 1812 г. — и во фронтовой полосе действовали М.Б. Барклай де Толли, а затем М.И. Кутузов; после отъезда Наполеона в Париж Великой армией командовали Иоахим Мюрат и Эжен де Богарне)... Итак, я полагаю верным говорить о войне 1812–1813 гг. или о кампании 1812 г. — лета 1813 г.

В 1812 году в России происходила гражданская война на фоне локальной кампании 6-й антифранцузской коалиции.